случилось чего-либо более тяжелого, достиг этого посольства у царя самыми усиленными просьбами. А князь русский был вверен для прожитья и охраны саксонскому маркграфу Дедо, при посредстве которого он и явился ко двору до возвращения послов».

Приезд Бурхарда к Святославу передают русские летописи. Послы прибыли от Генриха IV в июле 1075 г. к Святославу, который похвалился перед ними своим богатством, но что произошло дальше, снова передают только немецкие источники.

«Царь прибыл в Вормс, рассказывает дальше тот же Ламберт Ашафенбургский, и немного спустя возвратился Бурхард, ездивший от царя послом к русскому князю, неся царю столько золота и серебра и драгоценных паволок, сколько никогда еще не ввозилось на памяти тевтонского царства. Этими богатствами русский князь хотел подвигнуть царя к тому, чтобы он не оказывал помощи его брату против него». «Но, — прибавляет Ламберт, — это была лишняя просьба, он мог достигнуть этого и даром, так как занятый внешними и внутренними войнами Генрих IV не мог объявить никому никакой войны, и потому присланные сокровища взял себе, что было очень кстати, так как казна его была совершенно пуста».[1]

Таким образом, драгоценные русские подарки из Киева попали частью в Польшу, затем в Германию со стороны обоих братьев к одному и тому же Генриху IV.

Польские драгоценности еще раз заняли внимание Западной Европы в лице знаменитого папы Григория VII (Гильдебрандта) по следующему поводу.

Как оказывается, Изяслав отправился в Польшу не один, а с княгиней и двумя сыновьями — Ярополком и Святополком, а из Польши уехал в немецкую землю с Ярополком, которого послал к папе Григорию с устным поручением просить его о помощи возвратить ему княжение на том условии, что он «Изяслав отдает свое княжество св. Петру на вечные времена». Можно думать, что Изяслав жаловался также папе на ограбление его Болеславом, так как на расстоянии двух недель последовали две папские буллы, одна к Изяславу, другая к Болеславу.

К Болеславу, польскому королю, папа обратился с увещанием, чтобы он возвратил отнятое у Изяслава имущество, в следующих словах: «Беззаконно присвоив себе казну[2] русского князя, ты нарушил добродетель

[1] Monumenta Germaniae. Scriptores V, p. 230.

[2] Pecunia, quam regi Russorum abstulistis.